

В. И. ТАГУНОВА

К вопросу о появлении культа Петра и Февронии Муромских в связи с идейным содержанием их жития и временем возникновения его первоначальной редакции

Повесть о Петре и Февронии Муромских принадлежит к числу лучших произведений древнерусской литературы. Замечательно при этом, что в ее идейном содержании явственно выступают прогрессивные, антибоярские тенденции, а самый культ Петра и Февронии Муромских рано приобретает общерусский характер. Их изображения помещаются даже на стенах великокняжеской усыпальницы — Архангельского собора Московского кремля, среди изображений русских князей — родоначальников московских государей, хотя близких родственных отношений к последним они не имели.¹

Установлению общерусского культа Петра и Февронии способствовало одно чрезвычайное обстоятельство.

Когда великий князь московский Василий Темный был ослеплен Димитрием Шемякой, дети его Иван (будущий «государь всея Руси») и Юрий были увезены боярами Ряполовскими в Муром, который был в то время настолько укреплен, что Шемяка не решился взять оттуда детей великого князя Василия Васильевича силой.

Шемяка посылает в Муром за сыновьями великого князя архиепископа Рязанского Иону, Владыка Иона, обещая детям великого князя московского Ивану и Юрию именем Шемяки свободу, берет их «на свою душу», «на свою епитрахиль» в Муромском богородицком соборе «ис пелены» у образа пречистой богородицы, т. е. под покровительство церкви.²

Важно отметить, что именно в этой церкви Рождества богородицы хранились мощи Петра и Февронии Муромских. Вот почему Петр и Феврония Муромские могли в известной мере рассматриваться как «спасители» и «покровители» будущего Ивана III.

Об этом важном событии для Мурома, когда Муром выступил в роли хранителя русских государей, повествуется то очень подробно, то более кратко в ряде летописей под 6954 (1446) г.³ Например, в Ермолинской летописи сообщается: «князь Иван и князь Юрий, князя великого дети,

¹ Дошедшие до нас росписи в основном относятся к 1652—1666 гг., но они были выполнены на основе старых — 1509 г. (Художественные памятники московского Кремля. Общая редакция М. В. Алпатов. М., 1956, стр. 57).

² Предполагается, что этой иконой являлась Одигитрия, которая в настоящее время находится в Третьяковской галерее в Москве. На дощечке под этой иконой надпись: «Московская школа. Одигитрия-путеводительница. Первая четверть XV века. Из Рождественского собора в г. Муроме». Эта икона поступила из Муромского музея, куда она была взята из собора.

³ ПСРЛ, т. V СПб., 1851; т. VI, СПб., 1853; т. VIII, СПб., 1859; т. XXIII, СПб., 1910; т. XXV, М.—Л., 1949, и др.

утекоша из монастыря в Муром». В Муром же «к великого князя детем посла князь Дмитрей по них Иону, владыку Рязаньскаго . . . повеле их взяти владыце на свою душу на том, что в заточение их не послати . . . И взят их Иона владыка у Пречистые из пелены во соборной церкви на свои руки, на всем добре, что не учинити им никакова зла».⁴

Тот же эпизод о спасении детей великого князя Василия Васильевича, среди них будущего московского государя Ивана III, передается несколько подробнее в Воскресенской летописи. Там говорится о том, что «дети великого князя пришед сели в Муроме с многими людьми», что владыка Иона «вшед в церковь начат молебен пречистые, и съвршив молебнаа и взят их ис пелены у пречистые на свой патрахель».

Подробно (в основном так же, как в Воскресенской, Ермолинской, Софийской II летописях) повествуется об этом событии и в Московском летописном своде конца XV в. (ПСРЛ, т. XXV). Здесь мы читаем под тем же 6954 г. о том, что после того как великий князь Василий был схвачен Шемякой, «си же великого князя сынове, Иоан и Юрьи, в ту же ночь побегоша из монастыря с оставившими с ними людьми, кои ухорошишася, и прибегоша ко князю Ивану Ряполовскому в Юрьев, в село его Боарово. Князь же Иван с своею братьею, с Семеном и з Дмитреем, и с всеми людьми своими бежаша с ними к Мурому и тамо затворишася со многими людьми . . . А князь Дмитрей услышав, что дети князя великого пришед сели в Муроме со многими людьми, и не восхоте на них посылати, боася, поне же бо вси людие негодоваху о княженье его, но и на самого мысляху, хотяще великого князя Василья на своем осподарьстве видети. Князь же Дмитрей умыслив сице: призва к себе епископа Рязаньскаго Иону на Москву и пришедшу ему обеща ему митрополью и начат глаголати ему: „Отче, что бы еси шел в свою епископию, в град Муром и взят бы еси дети великого князя на свою патрахель, а яз рад их жаловати, отца их великого князя выпущу и отчину дам доволну, как мочно им быти с всем“. Владыка же Иона поиде к Мурому в судех и с теми речми княжими Дмитреевыми прииде в Муром и начат говорити речи его боаром великого князя детей, трем князем Ряполовским, и прочим с ними. Боаре же много о том думавше мыслиша себе сице: „Аще мы ныне святителя не послушаем, не поидем ко князю Дмитрею с сими великого князя детми, и он пришед ратью город возмет и сих поймав, что хошеть, то сътворит им, тако же и отцю их великому князю и нам всем, и во что будет крепость наша не послушавше сих глагол святителейых“. И рекоша Ионе владыце: „Аще пришел еси с сими глаголы ото князя Дмитрея к нашим государем, великого князя детем, да и к нам, но мы сего собою не дръзнем сътворити, что отпустити нам с тобою дети великого князя без крепости, но вшед в соборную церковь Рожества пречистые ис пелены на свою патрахель, и так отпустим их с тобою и сами с ними идем“. Владыка же Иона обещася тако сотворити и вшед в церковь начат молебен пречистой и съвершив молебнаа взят их ис пелены у пречистые на свою патрахель и поиде с ними ко князю Дмитрею в Переславль, тамо бо тогда ему сушу». Как известно, основная часть летописных статей 1425—1463 гг. Московского летописного свода 1472 г. «была составлена по указанию Василия Темного, пожелавшего отметить в своем летописце всех своих сторонников, всех помогавших ему в трудных обстоятельствах его княжения».⁵ Часть эта вошла затем во все последующие официальные москов-

⁴ ПСРЛ, т. XXIII, стр. 152.

⁵ Д. С. Лихачев Русские летописи и их культурно-историческое значение М.—Л., 1947, стр. 347.

ские своды, в том числе в свод конца XVI в., где сохранилась в наиболее полном виде.

Об этом значительном событии говорят на основании различных данных и почти все историки Мурома.⁶

Естественно, что это событие имело большое значение для поднятия роли Мурома и его святынь, тем более что дети великого князя и он сам остались живы и княжение великого князя московского Василия Васильевича продолжалось, а спасенный от Шемяки наследник московского великокняжеского престола Иван стал позднее первым «государем всея Руси».

Муром окружается вниманием московских князей и государей, а древний Муромский богородицкий собор, в котором издавна, как упоминается во многих источниках,⁷ покоились под спудом мощи муромского князя Петра и супруги его Февронии, становится местом их молений и поклонения муромским святыням. В нем «воссылал молитвы» Иван III, «помня избавление свое от злобы Шемякиной».⁸ «По завещанию родителя наследуя область Муром», Иван III «приложил старание об увеличении города, бывшего местом его спасения от гонения Шемяки».⁹

Ряд исследователей предполагает, что каменное здание Муромского собора построено Иваном III по этому же поводу: в благодарность за спасение от угрожавшей ему гибели.¹⁰

В 1468 г. великий князь Иван III приезжал «на поклонение святым мощам своих сородичей князя Петра и княгини Февронии».¹¹

В своем сочинении А. А. Титов на основании каких-то источников, возможно местного предания, упоминает о том, что сын Ивана III Василий «уважал память родителя своего, довольно благотворившего г. Мурому, пожаловал Муромскому соборному храму (1523 г.) участок пахотной земли».¹²

Кульτ Петра и Февронии особенно усилился после их канонизации сначала как местно чтимых святых на соборе 1547 г., а потом как общерусских (на соборе 1549 г.). Уже с XV в. создавались предпосылки к переходу их местного культа в московский. С XVI в. этот московский характер

⁶ Н. К. Карамзин. История государства Российского, т. IV. СПб., 1817, стр. 309; К. Тихонравов. Владимирский сборник. Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии. М., 1857, стр. 81—82; В. Добролюбов. Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии, вып. IV. Владимир, 1897, стр. 128; Л. Белоцветов. Летопись Муромского богородицкого собора, начата в 1899 г.—Муромский краеведческий музей, мм. № 31843, стр. 1; А. А. Титов. Историческое обозрение города Мурома.—Труды Владимирской ученой архивной комиссии, кн. IV. Владимир, 1902, стр. 32, 33; В. Н. Добрынкин. Муром прежде и теперь. М., 1903, стр. 14; В. И. Пехов. Муром в прошлом и настоящем. Муром, 1913, стр. 37; Н. Н. Ушаков. Спутник по древнему Владимиру и городам Владимирской губернии. Владимир, 1913, стр. 313; В. Н. Добрынкин. Муромский богородицкий собор. Историко-археологическое описание. Владимир, 1915, стр. 4, 5; И. П. Богатов. Город Муром в VIII—XVI веках. Муром, 1947, стр. 25.

⁷ См. указанную выше литературу по истории Мурома.

⁸ К. Тихонравов. Владимирский сборник. Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии, стр. 82; В. Добролюбов. Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии стр. 137; Н. Н. Ушаков. Спутник по древнему Владимиру и городам Владимирской губернии, стр. 319; В. Н. Добрынкин. Муромский богородицкий собор. Историко-археологическое описание, стр. 5.

⁹ А. А. Титов. Историческое обозрение города Мурома, стр. 34.

¹⁰ См., например: И. П. Богатов. Город Муром в VIII—XVI веках, стр. 26.

¹¹ В. И. Пехов. Муром в прошлом и настоящем, стр. 21.

¹² А. А. Титов. Историческое обозрение города Мурома, стр. 35. Ср.: В. Н. Добрынкин. Муромский богородицкий собор. Историко-археологическое описание, стр. 5—6.

культа Петра и Февронии окончательно определился. Известно, каким глубоким поклонением почитал этих святых Иван Грозный во время своего пребывания в Муроме в 1549 и 1552 гг., сколько вновь построенных или обновленных церквей появилось в Муроме в этот период вместе с дорогими иконами, в числе которых иконы Петра и Февронии.¹³

В исследовании О. И. Подобедовой «Лицевая рукопись XVII столетия „Повести о Петре и Февронии Муромских“»¹⁴ широко используются летописные данные о времени пребывания Грозного в Муроме и его поклонении Петру и Февронии.

И после Ивана Грозного русские цари при посещении Мурома считали своим долгом посетить Муромский собор. В соборе хранились многочисленные дары государей в виде икон, евангелий, покровов на мощи Петра и Февронии и др.¹⁵

Таковы некоторые исторические данные, которые могут помочь будущим исследователям в выяснении времени возникновения первоначальной редакции Повести о Петре и Февронии и идейных тенденций Повести в целом.

¹³ В Муромском краеведческом музее находится икона Петра и Февронии, относящаяся к началу XVI в., кроме их икон более позднего времени.

¹⁴ О. И. Подобедова. Лицевая рукопись XVII столетия «Повести о Петре и Февронии Муромских». — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 399—400.

¹⁵ См. вышеуказанные труды К. Тихонравова, В. Н. Добрынкина, А. А. Титова, В. И. Пехова и др.